

УДК 343.2/7+347.1

DOI: 10.17223/22253513/22/14

Р.П. Мананкова

**О НЕКОРРЕКТНОСТИ НЕКОТОРЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ
ФОРМУЛИРОВОК В ТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье продолжается исследование проблемы взаимодействия частного права с другими отраслями отечественного законодательства. Основное внимание уделено последним по времени изменениям, внесенным в Уголовный кодекс. Анализируются причины некорректных формулировок в тексте закона. Предложены меры по устранению выявленных несовершенств. Обращено внимание на необходимость объединения усилий ученых, представляющих разные отрасли. Особая роль должна быть отведена методологии правовой науки, в частности понятийному аппарату, способному обслужить разные отрасли.

Ключевые слова: методология, понятия, частное право, норма, свойство, сожительство, примечание, близкие лица.

Процесс восстановления частного права, проявляющийся в проникновении его норм и институтов во все без исключения отрасли отечественного законодательства, сам по себе заслуживает глубокого исследования в силу своего стратегического значения. Очевидно, необходимо выработать определенную методологию, т.е. общую для всех отраслей юридической науки систему методов, методик, способов, приемов, подходов и иных соответствующих средств взаимодействия разнородной правовой материи. Сейчас заметных позитивных результатов в этом направлении совсем немного. Зато особенно отчетливо видны сложности происходящей трансформации как в правотворчестве, так и в правоприменении. Складывается порой впечатление, что процесс вторжения частного права на чужую территорию, на иные отношения вообще пущен на самотек, т.е. является стихийным; особенно это заметно в публичноправовых нормах.

Такое положение дел вполне объяснимо. Только узкая специализация в отраслевых правовых науках дает почву для глубоких исследований и обоснованных теоретических выводов. Но она же делает труднодоступными для изучения отношения, выходящие в определенной степени за пределы предмета данной конкретной науки. На эту тему велось немало дискуссий в советский период, особенно в связи с комплексными нормативными актами. В принципе договорились о том, что эти акты представляют собой единство норм различных отраслей права, предназначенных для регулирования соответствующего блока (системы) общественных отношений. Так или иначе, но в технике правотворчества принципиальных проблем в связи с квалификацией федеральных законов как типичных комплексных нормативных актов нет. О качестве взаимодействия норм различной отраслевой принадлежности здесь пока речь не идет.

Отраслевая замкнутость настолько естественна в научных правовых исследованиях, что далеко не всегда ощущается и сама потребность выйти за рамки одной отрасли. Та же частная собственность, разрушив советскую систему права, породила ранее невиданные по сложности теоретические проблемы. Ярким примером является глава 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности». Споры ученых обречены на десятилетия, если не осознать необходимость подлинного взаимодействия специалистов соответствующих отраслей. Островки частного права в виде отдельных норм о собственности, имуществе, сделках и др. в тексте Уголовного кодекса, мягко говоря, не лучшего качества. Но справедливости ради, нельзя не видеть несовершенств самого феномена частного права, так как цивилисты, судя по публикациям, весьма осторожны в разработке теории современного частного права: почти 6 лет основные силы в деле реформирования Гражданского кодекса были отданы проблеме юридических лиц. В стороне по-прежнему осталась и личность как субъект гражданских правоотношений. И главное, отечественные цивилисты, трудовики, фамилиаристы пока еще не объединили свои усилия в достижении общей цели – дать законодателю четкое представление о понятии, элементах частного права, предложить в качестве исходного систему основных понятий, пригодную для внедрения в другие отрасли. Темпы проводимых научных разработок слишком медленные; при таких скоростях и при отсутствии административного стимулирования этой конкретной программы качество текущего законодательства еще долго будет находиться на недостаточном уровне.

Поводом для такого неутешительного вывода явились последние изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ. В примечании к ст. 116 УК теперь перечислен круг лиц, которые именуется «близкими лицами». Надо сказать, что это словосочетание по существу употребляется и во многих других статьях УК (в частности, в ст. 105, 111, 112, 117, 309, 311, 317, 318, 320. Судя по всему, фраза «его близких» означает «близких лиц»). Хотя по тексту упомянутого примечания к ст. 116 под «близкими лицами в настоящей статье...» совсем не следует, что на другие составы это разъяснение тоже распространяется.

Так или иначе правоприменителям предписано при квалификации кого-либо в качестве близкого лица руководствоваться не своими собственными представлениями, а текстом примечания к ст. 116 УК. Анализируя это разъяснение-норму (вопрос о правовой природе примечаний в УК здесь сознательно не затрагивается), приходится классифицировать названных в ней субъектов на несколько групп. Критерием классификации является титул (правовое основание) соответствующего гражданина по отношению к субъекту преступления. В первую очередь закон (ст. 116 УК) в числе близких лиц называет близких родственников. Это правильно и по существу, по логике жизни, но далее следует ошибочная конкретизация близких родственников в части признания таковыми супруга (супруги). Супруги, т.е. лица, состоящие в зарегистрированном (а не в сожительстве, обозначаемом теперь новомодным названием «гражданский брак») [«Гражданский брак – это также формальный брак, только лишенный церковного освящения и совершаемый перед гражданской, а не духовную властью, – только глубокое невежество

могло использовать этот термин для обозначения внебрачного сожительства. См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1911. С. 615] браке, в принципе не могут быть близкими родственниками. Еще совсем недавно не требовалось обосновывать недопустимость кровнородственных браков; а в царской России была популярной фраза о том, что кровосмешение чуждо цивилизованному человечеству. Именно на этом основана и норма ст. 14 действующего Семейного кодекса РФ: «Не допускается заключение брака между близкими родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами. Это означает, что супруги занимают особое место, скорее всего первое, в списке «близких лиц», названных в примечании к ст. 116 УК.

Нельзя согласиться также с включением в круг близких родственников таких субъектов, как усыновители, усыновлённые (удочеренные) дети. Вряд ли есть необходимость детально обосновывать тезис о том, что усыновляют по общему правилу чужих детей, оставшихся без попечения родителей, в их интересах. Условия усыновления четко закреплены в законодательстве, наличия родственных отношений не требуется. «Усыновлённые дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству **приравниваются** в личных и имущественных правах к родственникам по происхождению» (ч. 1 ст. 137 СК РФ). Вывод: усыновители и усыновленные не являются родственниками, между ними нет кровной связи, т.е. происхождения от общего предка; семейные правоотношения возникнут на основании особого юридического факта – акта усыновления, произведенного в установленном законом порядке. Не будучи родственниками, эти лица несомненно относятся к числу «близких лиц». В уголовном законе эту категорию граждан желательно обособить от остальных, при этом в качестве примера (образца) взять текст ст. 14 СК РФ (пп. 3 и 4), где усыновители занимают свое особое место.

Анализируемая формулировка примечания к ст. 116 УК привлекает критическое внимание и в связи с упоминанием в числе «близких лиц» родственников. Дословно они обозначаются как «лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние»... Вряд ли эта норма останется незаметной; и дело не столько в побоях, в конце концов неважно, побили тещу или просто соседку, а в тех близких лицах, которые, как уже сказано, многократно упоминаются в УК. Такая безразмерная формулировка – это благодатная почва для злоупотреблений, это яркий пример коррупциогенности нормы.

Не вдаваясь в детали, следует отметить все же, что понятия свойства в законодательстве РФ нет, но оно с римских времен известно в науке. Это общественная связь между супругом и родственниками другого супруга; иногда используется в более широком смысле как связь между родственниками обоих супругов. Теории такого явления, как «свойство», в отечественном частном праве, по существу, нет. Специалисты в области семейного права и в советское время затрагивали вопрос о свойственниках как о субъектах алиментных отношений между другими членами семьи. Условие о свойстве заложено в самом наименовании этих лиц, а именно «отчим», «мачеха», «па-

сынок», «падчерица», эти термины и есть формулы отношений свойства. В действующем семейном законодательстве в качестве алиментнообязанных фигурируют лишь дети – «пасынки» и «падчерицы».

Объяснить отсутствие исследовательского интереса отечественных ученых-фамилиаристов можно совокупностью нескольких факторов. Во-первых, исторически так сложилось, что в масштабах огромной территории с многомиллионным населением не было особой нужды жестко регулировать демографические процессы. В ст. 23 Свода Законов гражданских, т. X, содержалась следующая норма: «Запрещается вступать в брак в степенях родства и свойства, церковными законами возбраненных». Здесь же в примечании разъяснено: «...закон сей не приводит к заключению, чтобы свойство и родство составляли два тождественных понятия. Родство есть связь членов одного рода по происхождению от общего родоначальника (ст. 196, т. X, ч. I), а свойство происходит от связи посредством брака членов, принадлежащих к разным родам. В силу этого различия и юридические отношения родственников и свойственников не тождественны в отношении права наследования и других гражданских прав. Римляне не исчисляли степеней свойства. Это исчисление имело место в каноническом праве: согласно ему степень родства по крови с одним супругом определяет и степень свойства с другим» [Дернбург Г. Пандекты. Семейственное и наследственное право. Т. 3 (книги IV и V). С.-Петербург: издание Юридического книжного склада «Право», 1911. С. 7].

Во-вторых, в послереволюционный период от прежней частноправовой науки и ее видных представителей сохранилось далеко не все. К тому же до 90-х гг. научную литературу отечественных цивилистов приходилось добывать в основном в служебных отделах (залах) библиотек. Для массового читателя не все доступно и сейчас, после переиздания основных трудов российских классиков.

И, разумеется, произведения дореволюционных ученых – это образцы действительно научного творчества, их авторы, владевшие несколькими иностранными языками, имели возможность создавать на сравнительно-правовой основе работы, вошедшие в «золотой фонд отечественной цивилистики». Этого уровня как нормы вряд ли удастся достигнуть.

В-третьих, нельзя не учитывать и идеологические препятствия. Недоговоренность, слабая мотивация, обилие лозунгов и декларативности типа «какое счастье, что мы живем в советской стране» и сейчас увидит современный читатель, изучающий историю советского законодательства. Ведь не случайно семейно-правовая наука за весь советский период представлена всего несколькими монографиями, статьями, а в основном учебно-методическими изданиями. Так что по большому счету наукой эти труды можно считать с большой натяжкой.

В настоящее время сложились условия для развития, в частности, семейно-правовой науки. Сформировался и социальный заказ – потребность в антикоррупционных правовых инструментах, о чем свидетельствует соответствующий блок законодательства.

Идея «конфликта интересов» уже в действии, и она требует высококачественного нормотворчества, возможного лишь при солидном теоретическом фундаменте.

Прежде всего необходимо обогатить и отшлифовать понятийный аппарат. Кстати, общие понятия «близкие лица», «близкие родственники» и не нужны потому, что они должны быть гибкими, способными наполняться различными составами субъектов в зависимости от цели, которую ставит законодатель. Сейчас это общее понятие «близкие лица» нужно не столько для квалификации побоев, сколько для других вышеназванных составов преступлений. Более уместным представляется его размещение в других главах УК.

Несовершенство норм, закрепленных в примечании к ст. 116 УК, обусловлено скорее всего игнорированием норм и тем более доктрины частного права по обычной для нашего времени причине – цейтнота.

Иначе дело обстоит с отношением специалистов уголовно-процессуального права к той же самой задаче. Состав «близких родственников» некорректно определялся еще в ст. 34 УПК РСФСР; теперь и в ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем кодексе» повторяется, очевидно несоответствующая законодательству норма о супругах и усыновителях с усыновленными. Но это еще не все. «Близкие лица» по ст. 5 УПК – это «иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений».

Эта норма, конечно, своего рода «шедевр»; несовершенство ст. 116 УК меркнет в сравнении с нормой ст. 5 УПК (п. 3); ее подробный критический анализ опубликован еще в 1991 г., затем в 2008 г., и, наконец, в 2015 г. Какой-либо реакции как не было, так и нет. Принципиально важно, что аргументы цивилистов не означают вторжения на чужую территорию. Речь идет об очевидных грубых ошибках, об азах семейного права, доступных и лицам без юридического ликбеза. К тому же не вызывает сомнений коррупциогенность этой, в частности, нормы п. 3 ст. 5 УПК.

Отмечая некорректность частноправовых формулировок в ст. 116 УК, трудно удержаться от критики последней категории субъектов, отнесенных к кругу «близких лиц». Они по отношению к лицу, совершившему деяние, именованы как «лица, ведущие с ними общее хозяйство». Судя по наличию союза «или», речь идет о самостоятельной категории субъектов наряду с вышеупомянутыми. И здесь есть над чем задуматься не только правоприменителю, но и специалистам в области частного права. В доктрине эта формулировка встречается довольно часто. Фраза «вести общее хозяйство» означает наличие общих доходов и расходов (в адвокатской практике бытует термин «общий кошелек»), совместное питание, приобретение имущества для совместного пользования.

В судебной практике, отраженной, в частности, в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1982 г. и 3 апреля 1987 г., ведение общего хозяйства рассматривалось как одно из условий при установлении отцовства, а также в спорах по жилищным вопросам [См.: Сборник поста-

новлений Пленумов Верховных Судов и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М.: Спарк, 1994. С. 98, 170].

При этом в задачу суда входила обязанность исследовать наличие и второго условия, а именно «совместного проживания» сторон. Тем самым решался вопрос о существовании между ними отношений, **характерных** для семейных. В анализируемой норме примечания к ст. 116 УК называется только одно из условий – «ведение общего хозяйства». По смыслу этой фразы дело не в семейных отношениях, не в поисках отца для ребенка и не в претензиях на жилую площадь. Истолковать позицию законодателя в данном контексте можно, руководствуясь искренним желанием понять, что же имеется в виду, только допустив одну крамольную мысль. А именно, что к близким лицам теперь относят не просто сожителей, а какую-то особую их разновидность, когда не нужно совместно проживать с этим посторонним человеком, а достаточно получать средства на свое содержание в добровольном порядке. Одним словом, эта категория близких лиц с частным правом не согласуется и, по-видимому, с целью уголовного закона также.

Возвращаясь к исходному тезису о необходимости совместных усилий специалистов разных отраслей науки, важно заранее договориться о предмете, а именно о методологии.

В методологическом плане основными представляются вопросы: 1) о понятийном аппарате, 2) о субсидиарности и аналогии, 3) о приоритетах отраслей. Это направление межотраслевых исследований вполне уместно в рамках по существу объявленной дискуссии о теории юридической науки, ее единстве, методологии, структуре предмета и т.д. [Краткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31].

Manankova Raissa P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

ON INCORRECTNESS OF SOME PRIVATE LAW WORDINGS IN THE TEXT OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: methodology, concept, private law, rule, property, cohabitation, note, close people.

The present article deals with a comparatively new legal problem of interrelationship between the rules of private law and criminal law. The author pays attention to the latest changes in the Criminal Code regarding «close people» of the subject of a crime. The quality of the «note» to Article 116 of the Criminal Code seems to be imperfect since it ignores the basics of family law: spouses as well as adopters are called relatives. It is impossible to understand how to define legal relatives.

The article substantiates the need to consolidate the efforts of specialists in various branches of law in the sphere of methodological research. The issues of definitions and subsidiarity, priorities of branches and possibilities of adequate analogies are the primary ones.

The article has been completed in the light of pre-revolutionary ideas and current legislation of pre-Soviet period. The intrusion of private law into the branches of public law is a logical process, though its tempos are unsatisfactory. Civil law specialists are not actively involved in the theory of private law and do not take its concepts in other branches seriously. The author sets forward some theoretical and practical proposals aimed at both the development of scientific thought and legislation.